

Увлечение современностью, актуальными социальными проблемами у разных писателей выглядит по-разному: Михаила Тарновского интересует судьба сельского учителя, процесс сближения и примирения городской и деревенской жизни, Анна Старобинец в безжалостном прямом высказывании переосмысляет то, что, кажется, никогда не изменится, — форму общения государства и человека, попавшего в беду. Из безвременья выходит наша страна в романе Бориса Енимова «Осень в Задонье», герои Марии Нондратовой путаются в сигнальных путях донбасской войны, пытаются сохранить семейные, любовные, дружеские связи; молодой неудачливый стендап-номин из романа Антона Сенисова «Реконструкция» хочет справиться с взрослением, обживая спальные районы большого города. Время плохо поддается заморозке, никогда не знаешь, что из него может получиться — компот, бульон, «Война и мир» или «Двенадцать стульев». Мы читаем о времени Андрея Платонова, Валентина Катаева, Леонида Леонова и думаем: достойна ли наша эпоха твердого переплета или хотя бы безличной гиперссылки?

На одном из выступлений, посвященных современному литературному процессу, Алексей Варламов дал ему емкую характеристику: краткий период увлечения историей преодолен сильными, молодыми, небезразличными авторами, которые не боятся работать с актуальным и большим. Ксения Бунша, Евгения Некрасова, Саша Филипенко, Анна Козлова, Дмитрий Захаров, Павел Селуков — вот лишь несколько ярких имен. Борьба с незаконными мусорными свалками, политическая конкуренция и уличные митинги, жизнь неблагополучных семей, детских домов и городских окраин — все это не просто картинка для привлечения внимания, но живая ткань сюжета, без которой герои лишились бы собственного голоса, потерялись в складках трех постсоветских десятилетий.

Несколько болевых точек исследует Кристина Гептинг в дебютной повести «Плюс жизнь», получившей главный приз премии «Лицей» в 2017 году.

Автор рисует безжалостную и современности картину: в небольшом провинциальном городе на северо-западе страны живет восемнадцатилетний Лев Спиринов, с рождения он болен ВИЧ по вине незадачливой матери: «Много о себе думала, вот и получила». Мальчишка воспитывала по-санаевски вдохновенная бабушка: «Мое детство — оно с запахом хлора. Бабушка мыла с хлоркой все, к чему я принасался». Она — символ всего носного, крикливого, взрослого, советского. Мечту стать хирургом из-за болезни воплотить не получается, и мальчишка работает в морге. В один из дней герой встречается неопишумую Арину, они начинают жить вместе. По случайности он заболевает туберкулезом и попадает в больницу, Арина и Лев расстаются. Так что в этом безжалостного? Стандартная история болезненного взросления по типу Холдена Колфилда развивается на фоне борьбы с ВИЧ — и борется с ним не сам Лев, а его семья, друзья, знакомые и общество в целом, отрицая и саму болезнь, и героя как ее жертву. Конфликтный период роста, узнавания нового, испытания мира на прочность, где вирус иммунодефицита человека — это формальный предлог.

Первая любовь и первое разочарование в любви, потеря друзей, острые и неопределенные чувства к погибшей матери — Лев не может разрешить себе быть нормальным, он недостойн счастья. Зато он может быть ироничным и смешливым: Кристина Гептинг по-журналистски метко фиксирует социальные типы и образы, чтобы мальчишка мог вдоволь поупражняться в остроумии. Дамы из бесконечных отделов кадров, сердобольные в меру, библиотечарши с неопределенным семейным положением, которые делятся кулинарными рецептиками в «Одноклассниках», феминистки, ненавидящие защитников животных, назойливые веганы-противники ВИЧ-положительных, все смешалось. Автор безжалостно толкает героя в жизнь и, чего уж скрывать, в не самый прекрасный ее извод. Но Лев справляется: прощает мать, принимает свой «плюс»,

переезжает в Калининград. После финальных титров мы понимаем, что не студент Лев Спиринов 1997 года рождения требует срочной интенсивной терапии, а общество, мы: часто агрессивные, глухие, безразличные. Другое дело, смогут ли справиться с этой задачей 187 страниц повести.

С Джудом Ханьи Янагихары или Оскаром Джонатана Сафрана Фюера себя сравнивать страшно: Гептинг делает все, чтобы сократить расстояние между своими героями и читателем, когда «недописывает» образ врачихи, надевающей двое перчаток перед осмотром Льва, или директора летнего лагеря, вернувшего очередного «вичушина» домой из-за протестов родителей здоровых детей. Кто вы на этой фотографии?

Если «Плюс жизнь» — это повесть-воспитание, то «Сестренка» — это роман-терапия, посвященный еще более актуальному и травматичному вопросу. На обложке книги Ольга Брейнингер коварно обещает острую «социалочку», поход в сторону движения #MeToo, но это только полбеды. Кристина Гептинг не пытается перевоспитать очередного Раскольникова и поставить перед ним вопрос о твари дрожащей, она обращается к жертве: имеешь ли ты право говорить, ненавидеть, мстить своему палачу? Здесь грань, отделяющая художественное от реального, еще тоньше, она условна, отсюда и упреки в сериальности, натуралистичности, поверхностности, но вряд ли Netflix или «СТС» это по зубам.

По традиции, история развивается в пространстве социального: героев окружают многочисленные знакомые, родственники, общественные институты — армия, церковь, больница, депутатские советы. Все в неприглядных серых тонах, а как иначе, если отец пьет и бьет безответную мать, старший брат шпыняет, а школа она и есть школа, ужасное место. А в тринадцать лет Юлю, главную жертву, насилует брат Юра. Почему это произошло, кто виноват? Ответ есть, но проблема в том, что одной версии недостаточно: по очереди Гептинг дает высказаться родителям, жертве, насильнику, далекой бабушке с фиолетовыми волосами. Фабульная композиция как в детективе, только внимание приковано не к виновному, а к причине, ко всем причинам.

Через десятилетие, когда семья собирается за новогодним столом, Юля объявляет о произошедшем, а после пишет исповедальный пост в инстаграме на миллионную аудиторию, ведь она успешный фитнес-тренер и блогер. Это не освоение целины, не электрификация всей страны, не защита Байкала и стройка БАМа — блогер в инстаграме как героиня нашего времени, очередной шок-контент с картинкой в фейсбучной ленте с комментариями «сама виновата», «ничего себе жертва», «я б ей вдул». Изживание боли — та терапия, на которую работает проза Кристины Гептинг, она если и не исключает аспект художественного, то сильно его ограничивает. Под горячую руку попали все: в армии сплошь насильники, церковь — неграмотные старики, бьющие поклоны в пустоту, алчные врачихи с грубыми большими руками, досталось даже щам — и те в тарелке какие-то серые. Все виноваты, всем должно быть больно.

Уйти, только так можно преодолеть травму: мать уходит в монастырь, отец имитирует безумие, чтобы не сойти с ума по-настоящему, фиолетовая бабушка умирает, невыездной брат растворяется в складках безымянной местности, а Юля просто живет дальше. Герои едва смогли проявиться, так они торопились жить: немного картонные, потертые на сгибах от частого использования. Кажется, будто они смотрят на нас с семейного портрета, с фотографий, на которых нас отметили, из очереди в поликлинике или магазине. Кристина Гептинг бьет по самым больным местам, но не торопится исцелить крайнего: проза в широком смысле исследует травмы общества и в нем же находит необходимые для преодоления проблемы антитела.